

А. Н. Куклин (*Йошкар-Ола*)

Субстратная топонимия Волго-Камья

Проблема субстрата в топонимии Волго-Камья привлекает внимание лингвистов с давних времён [Куклин 1990: 118–123]. Причём, неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных учёных в определении субстратных элементов в топонимии северной и средней полосы Восточной Европы скептически оценивались последующими исследователями или же вообще опровергались некоторыми из них [Европеусъ 1868; 1872; 1874; Попов 1926; Теплоухов 1924; 1960; Kannisto 1927; Вишневский 1960; Петровых 1960; Матвеев 1961; Туркин 1967; Галкин 1991; и др.].

Сам факт наличия субстратного пласта в топонимии Поволжско-Приуральского историко-географического региона не отрицается современными исследователями, и это не удивительно, ибо эта проблема неизменно оказывается прямо или косвенно связанной с многочисленными вопросами как этнического, так и лингвистического характера [Куклин 1993: 44–54]. Как свидетельству-

ет ретроспективный анализ этнолингвистической карты Урало-Поволжья, в его пределах в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации разнородных этнокультурных элементов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этноисторические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на топонимиконе региона, характеризующегося сложностью своего формирования, состоящего из накладывающихся друг на друга топонимических пластов [Куклин 1995: 30],

Субстратный (нижний) слой, именуемый уральским, был создан племенами, говорившими на каком-то угро-самодийском языке. Показателен в этом отношении, напр., фонетический облик гидронимов-комполит северной и средней полосы Восточной Европы: *Сивашур* – р., прав. приток р. Камы (Воткинск. р-н Удмуртии), *Синерь* (Мамадышск. уезд Казанск. губ.) [Список 1866], *Сиялей* (Инсарск. р-н Мордовии), *Сия* (Пинежск. р-н Архангельск. обл.) [Сими́на 1962: 96], *Сия* – р., приток р. Косы [Кривощёкова-Гантман 1968: 30], *Шия* – р., прав. приток р. Вятки (Мамадышск. р-н Татарстана).

Параллельные образования типа *Сшшур* // *Шшшур*, *Синерь* // *Шинер*, *Сия* // *Шия* наталкивают на мысль о том, что они генетически родственны. Представляется, однако, что тополексема *с'и* является более древней, восходящей к уральскому источнику, ср., напр., ненецкое слово *сэ* 'проток, протока; река, вытекающая из озера'. Гидролексема *ши* представляет собой позднейшую инновацию. Констатируя звукопереход **с* > *ш* и междиалектное их варьирование в разных финно-угорских, а также в тюркских языках Волго-Камья, многие исследователи утверждают о существовании в прошлом некоторых общих для них законов развития. Возникновение этой закономерности, по их мнению, было обусловлено болгарским языком, оказавшим огромное влияние на развитие языков Поволжья и Приуралья в период своего существования (VII–XIII вв.) [Тепляшина 1970: 138]. Постпозитивные компоненты указанных гидронимов-комполит восходят к разным финно-угорским языкам: *-ва*, *-шур* – к пермским, *-нер* – марийскому, *-я* – мансийскому, *-лей* – мордовским. Все они имеют значение 'река, речка'. Следовательно, образования такого типа наполнены смысловым содержанием 'река-река' или 'проточная

(речная) вода'. Топонимы Пинежья на *-j(a)*, по мнению Г. Я. Симиной [1962: 96], служат обычно названиями ручьев и мелких лесных речек. На этом фоне она приводит одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: "В названиях рек *Кия*, *Оя* и т. д. отделяется *-я* как русская добавка. Языки, из которых эти термины заимствованы (селькупский, тюркские, кетский), имеют эти названия в форме *Ки*, *О*, *Те* и т. д. При введении нерусских названий рек в русский язык они приспособляются к морфологической системе последнего..." [Симиная 1962: 96–97].

Нельзя не заметить в этой связи, что часть гидронимов Пинежья на *-я* относится к разряду привнесенных. Они не претерпели существенной модификации на почве диалектов русского языка. К их числу относится и гидроним *Сия*. Об этом довольно красноречиво свидетельствует речное название *Турья* (Пинежск. р-н Архангельск. обл.), распространенное как на Среднем и Северном Урале к югу от Ивделя, так и Среднем Поволжье.

Такое мнение будет убедительным, если сравнить гидронимические параллели Южной Сибири и Среднего Поволжья, ср., напр.: *Ока*, р. в Восточной Европе, пр. приток р. Волга ~ *Ока*, р., впадающая в Братское вдхр., Бурятия, Иркутск. обл.; *Селенга*, р., приток р. Кичменьга, впадающей в р. Юг ~ *Селенга*, р. в Монголии, Бурятия, впадающая в оз. Байкал и др. [Куклин 1995: 90]. Взаимное родство отдельных гидронимов более отчетливо прослеживается на территории Волго-Камья, ср., напр., идентичные или сходные в фонетическом оформлении названия Костромской области и Марий Эл: *Немда* – лев. приток р. Волги (Костр. обл.) и пр. приток р. Вятки (Мар. Эл и Киров. обл.), *Шуя* – лев. приток р. Большой Какши (Костр. обл.) и *Шуй* – пр. приток р. Шукшан (Мар. Эл).

В топонимиконе Европейского Северо-Востока имеется небольшое число гидронимов, образованных при помощи суффиксов *-а*, *-я*, характеризующих объект наличием того, что названо производящим словом. Так, А. К. Матвеев, анализируя статью финского ученого А. Каннисто "О прежних местах расселения вогулов (устарелое название манси. – А. К.) по данным топонимии", пришел к выводу, что "формант" *я* мог возникнуть на русской почве при переработке коми-зырянских гидронимов на *ю* 'река' или даже непосредственно восходить к коми языку, где *-а*, *-я* – суффикс обладания, ср., напр., гидроним *Бадья* (бассейн Вычегды) не имеет никакого отношения к мансийскому языку, а связан с коми *бадь* 'ива' [Матвеев 1985: 35].

Следует однако учитывать, что словообразовательный анализ топонимов без определения их языковой принадлежности и реконструкции архетипов является весьма относительной, а в большинстве случаев предвзятой или неверной.

Установить языковую принадлежность субстратной тополеми возможно лишь на основе воссоздания языковой реальности прошлого региона. Причём, гипотетически восстанавливаемая этническая карта должна подтверждаться археологическими, палеоантропологическими и иными данными, которые не только не противоречили бы друг другу, а находились бы в отношениях взаимной дополнительности. О степени достоверности реконструированного архетипа можно судить лишь в том случае, если его смысловое содержание соответствует физико-географическим реалиям. Если же восстановленный архетип в фонетическом отношении достраивается в цепочку омонимичных адстратных топонимов, то перед исследователем возникают новые вопросы вплоть до анализа синхронных и диахронных взаимоотношений родственных и контактирующих языков и их диалектов. Создавшуюся дилемму в определённой степени можно преодолеть лишь при выяснении направлений развития апеллятивной лексики в исследуемых языках. Причём, выяснение вопросов совпадения или расхождения значений сопоставляемых тополеми, этимологически восходящих к лексическим данным языка-основы или являющихся гетерогенными омонимичными образованиями, в первую очередь зависит от решения таких узловых моментов, как изыскания в области типологии слова в языке или первоисточнике и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексики в сопоставляемых языках и их диалектах в разные диахронические срезы их функционирования.

Топонимисту-этимологу при этом нередко приходится возвращаться к предыдущим этапам своего исследования или же к работам других ономастов с тем, чтобы внести в них определённые коррективы (как частные, так и существенные), основанные на выводах более поздних ступеней изысканий.

Интересными примерами в этом отношении являются отгронимные ойконимы *Малый Сундырь* (марГ. *Изи ШЫндёр*) и *Шиньрьялы* (марГ. *ШЫндёрйал*) Горномарийск. р-на Мар. Эл, а также *Большой Сундырь* (Моргаушск. и Ядринск. р-нов Чувашии), *Старый Сундырь*, *Полевой Сундырь* (Комсомольск. р-на Чувашии). Так, марийский топонимист И. С. Галкин слово *Сундырь* (*ШЫн-*

дёр) в указанных названиях селений расчленяет на два компонента: *Сун* (*Шун*) – гидроним + *тёр* 'край, берег', интерпретируя его смысловое содержание как 'Берег реки Сун (*Шун*)'. Гидроним *Сун* этимологически связывая с марийской лексемой *шун* 'глина', он заключает, что *Сундырь* (*Шындёр*) имеет значение 'На берегу глинистой реки', а ойконим *Шындёрйял* (*Шын* < *Шун* + *тёр* + *йял*) – 'Деревня на берегу *Шын* < *Шун*' [Галкин 1991: 115–116].

Однако такая трактовка находится на грани "народной этимологии" и напоминает случайные предположения, основанные на чисто внешнем сходстве сравниваемых слов и на переосмыслении по аналогии. Кроме того, у версии о марийском происхождении гидронима *Сун* есть свои слабые стороны. Она не учитывает данные этноисторических и антропологических исследований финно-угров. Так, З. П. Соколова [1982: 19], рассматривая этническую историю хантов и манси с привлечением лингвистических данных А. Каннисто, замечает, что южные манси жили в прошлом по рекам Тура (верховья) с притоками Мулгай, Тагил и Нейва, Кама, Чусовая, Сылва, Ирень, Иньва, Уфа и Буй (верховья), Печора (верховья), Сысола, Вычегда, Пинега, Мезень (верховья), Вятка, Чепца, достигая притоков Волги в р-не Козьмодемьянска (центр Горномарийск. р-н Мар. Эл. – А.К.).

На основании приведённых материалов можно говорить о тесных культурно-исторических связях мари с какой-то частью мансийского населения. Этим объясняется, видимо, близость манси и горных мари по комплексу антропологических признаков, несмотря на их значительную нынешнюю разобщённость. Так, Г. Л. Хить [1991: 69], обобщая данные по дерматоглифике финно-угорских народов, отмечает, что луговых и горных марийцев разделяет очень небольшое расстояние (объём кожного рельефа 8,7), но первые ещё ближе к северным удмуртам (6,0), а вторые – к саамам-сколтам (2,2), ивдельским и ляпинским манси (6,1 и 8,1).

В этой связи уместно отметить, что мансийский язык может частично выступать в роли субстрата горномарийского наречия марийского языка. Исходя из этого, представляется целесообразным обратиться к поискам этимологического решения гидронима *Сундырь* исключительно на мансийских языковых данных. Как явствует из материалов угорских языков, тополексема *сун* этимологически связана с мансийским *сунт* 'устье речки' [Власова 1977: 134; Кузакова 1994: 79]. Второй компонент композиты объясняется по-

средством лексических данных горного наречия марийского языка, ср. слово *тыр*, имеющее значения 'край // крайний; берег; окраина // окраинный'. При словосложении соседствующие переднеязычные смычные слились в один звук *т*, который, оказавшись в позиции между сонантом и гласным, озвончился под ассимилятивным воздействием смычно-проходного носового *н*.

Вариант *Шындыр* является позднейшей модификацией топонима *Сундырь*. Звукопереход *у > ы* в нём продиктован палатальной гармонией гласных в результате перемещения словесного ударения на конечный слог слова. Причём, оно сохраняется на этом слоге и в новообразованиях типа *Шындырвай* (д. Наулкино), *Шындырийай* (д. Шиндырьялы).

Переход *с > ш* является следствием фонетических процессов, имевших место в истории марийских диалектов. Так, переход *с'* (*з'*) в *ш* (*ж*), состоявшийся в марийском языке, по мнению Д. Е. Казанцева, до XIII века, был общим для всех диалектов, кроме того, в немногих горномарийских словах *с' > ш*; после XIII века начался переход *с* (*з*) в *ш* (*ж*), весьма интенсивный в луговом, горном и северо-западном наречиях, в которых он коснулся и многочисленных слов, вошедших из чувашского языка, а также некоторых татаризмов и ранних русизмов [Казанцев 1973: 125].

Итак, анализируя топонимы *Сундырь* и *Шындырийай* на основании этноисторических и ряда лингвистических данных, можно прийти к выводу, что первый может быть истолкован как 'Приустье', а второй – 'Деревня на приустье'.

В заключение следует отметить, что этимологические поиски "тёмных" лексем, встречающихся в топонимиконе Волго-Камья, должны быть не узколингвистическими, а широкомасштабными историко-культурными исследованиями, оперирующими данными материальной и духовной культуры родственных и неродственных соседствующих народов, с привлечением не только языковых материалов, но и данных археологии, антропологии, истории и этнографии. Лишь такого рода изыскания послужат критерием семантической надёжности этимологической интерпретации субстратных тополексем.

Библиографический список

Вишневский Б. Н. Следы угров на Западном Урале // Учёные записки. Т. XII. Вып. I: Труды Камской археологической экспедиции, вып. 3. Пермь, 1960. С. 255–269.

Власова Д. Д. Мансийские географические термины в русском употреблении на территории Кондинского р-на Тюменской области // Вопросы ономастики: Сб. статей / МВ и ССО РСФСР. Уральский гос. ун-т. Свердловск, 1977. Вып. 12. С. 131–137.

Галкин И. С. Кто и почему так назвал: Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 160 с.

Европеусъ Д. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ч. 139. С. Петербургъ, 1868. С. 55–71.

Европеусъ Д. О курганныхъ раскопкахъ около погоста Вѣжець въ Вѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. С. Петербургъ, 1872.

Европеусъ Д. Об угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. Санктпетербургъ, 1874. 23 с.

Казанцев Д. Е. История щелевых согласных в марийском языке // Вопросы марийского языкознания: Сб. статей. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. Вып. 3. С. 114–125.

Кривощёкова-Гантман А. С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Географические названия Прикамья (= Учёные записки Пермского гос. ун-та; Пермского отдела Географического общества Союза ССР). Пермь, 1968. № 177. С. 16–51.

Кузакова Е. А. Словарь манси (Восточный диалект) / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1994. 315 с.

Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. 3С: Sessiones sectionum: Linguistica: Vogulica, permica, ob-ugrica et samoiedica. Debrecen, 1990. С. 118–125.

Куклин А. Н. Уральская гидроексема в топонимии Волго-Камья // Вопросы марийской ономастики: Сб. статей. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 8. С. 44–54.

Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта *-га* // LU, 1995. № 2 (XXXI). С. 86–99.

Куклин А. Н. Типичные недостатки в применении методов исследований при изучении лингвокраеведческого материала // Финно-угроведение. 1995. № 3–4. С. 28–37.

Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и её происхождение // Вопросы археологии Урала: Второе Уральское Археологическое совещание при Уральском университете 1–7 февраля 1961 года: Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. I. С. 133–141.

Матвеев А. К. Топонимика Урала: Учебное пособие. Свердловск, 1985. 77 с.

Петровых Ф. И. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями проф. В. И. Лыткина) // Учёные записки Пермского гос. ун-та. Т. XII. Вып. I: Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3. Пермь, 1960. С. 275–277.

Попов А. К. вопросу о хорографии и палеознографии Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества: Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири: Сб. Секций Землеведения и Экономической. Иркутск, 1926. Т. 49. Вып. 2. С. 131–140.

Симина Г. Я. Дославянская топонимия Пинежья // Вопросы географии: Географические названия. М.: Гос. изд-во географической лит., 1962. Сб. 58. С. 85–99.

Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. Москва, 1982. С. 8–47.

Список 1866 – Списокъ населённыхъ мѣстъ Россійской имперіи: Казанская губернія по свѣдѣніямъ 1859 года. Санкт-Петербургъ, 1866. Т. XIV.

Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского общества любителей естествознания. Свердловск, 1924. Т. XXXIX. С. 81–112.

Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Учёные записки Пермского гос. ун-та. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 3. Пермь, 1960. С. 270–274.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 288 с.

Туркин А. И. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв. // История топонимики в СССР: Тезисы докл. / АН СССР. Московский филиал географического об-ва СССР; Ин-т русск. языка; Ин-т географии. Москва, 1967. С. 26–29.

Хить Г. Л. Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М.: Наука, 1991. С. 59–82.

Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF. 18. S. 57–89.